

Министерство образования и науки РФ
Автономная некоммерческая организация высшего образования
Самарский университет государственного управления
«Международный институт рынка»
Факультет лингвистики
Кафедра теории и практики перевода
Программа высшего образования
Направление «лингвистика»
Профиль «перевод и переводоведение»

ДОПУСКАЕТСЯ К ЗАЩИТЕ

Заведующий кафедрой:

канд. филол. наук, доцент Молчкова Л.В.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА БАКАЛАВРА

**«Лингвокультурный концепт «crime» в английском языке на материале
романа У. Коллинза «The Woman in White»**

Выполнил:

Блохина А.Ю., группа Л-52

Научный руководитель:

К.ф.н.,
Коломийцева О.Ю.

Самара

2017

Оглавление

Введение.....	3
1. Теоретические основы лингвокультурного концепта «crime».....	7
1.1. Понятие лингвокультурного концепта	7
1.2. Структура лингвокультурного концепта.....	10
2. Анализ лингвокультурного концепта «crime» в романе	У.
Коллинза «The Woman in White».....	24
2.1. Ядро концепта.....	24
2.2. Ближняя периферия	29
2.3. Дальняя периферия	33
2.3.1. Дальняя периферия лингвокультурного концепта «crime». Сектор «Justice»	34
2.3.2. Дальняя периферия лингвокультурного концепта «crime». Сектор «Investigation»	38
2.3.3. Дальняя периферия лингвокультурного концепта «crime». Сектор «Consequences of a crime».....	40
2.3.4. Дальняя периферия лингвокультурного концепта «crime». Сектор «Victim»	44
Заключение	46
Список литературы	48
Приложение 1.	52

Введение

Роль концептуальных единиц в репрезентации окружающего мира, заключающаяся в способности отразить динамику как собственно действительности, так и способов ее познания и интерпретации, обуславливает актуальность лингвистического исследования и моделирования концептосферы.

Рассмотрение закономерностей вербализации концептосферы языковой личности является необходимым шагом в постижении структуры, содержательного наполнения и механизмов функционирования человеческого сознания.

Актуальность когнитивно-лингвистического моделирования концепта «преступление» обусловлена, прежде всего, его высокой репрезентативностью в современном англоязычном дискурсе, что, в свою очередь, говорит о том значительном месте, которое занимает данный концепт в картине мира современного общества. Таким образом, комплексный анализ данного концепта является необходимым этапом в построении модели англоязычной ментальности.

Моделирование концепта «crime» проводится в работе именно лингвистическими средствами, на основе его репрезентации в дискурсе и в тексте как продукте дискурсивной деятельности. Принимая во внимание, что концепт есть категория мыслительная, довербальная, однако вербализующаяся в речи, можно констатировать, что художественный текст, являясь моделирующей системой, осваивающей все доступные человеку объекты бытия посредством метафоризации, дает наиболее полное представление о содержании концепта.

В настоящее время концепты представляют собой мало изученные феномены, анализом которых занимаются различные науки. Лингвистика

призвана внести свой вклад в изучение концептов посредством анализа языкового материала.

Кроме того, недостаточно изученными являются особенности концепта «crime» в рамках детективных романов, к которым относится роман У. Коллинза «The Woman in White». Этим и обозначена актуальность данной темы.

Объектом исследования является концепт «crime» в романе У. Коллинза «The Woman in White».

Предметом исследования являются когнитивные модели концепта «crime», отражающие межконцептуальные связи внутри концептуальной категории, к которой принадлежит рассматриваемый концепт, и конструируемые на основе закономерностей его языковой репрезентации в современном англоязычном дискурсе.

Цель работы – анализ лингвокультурного концепта «crime» в английском языке на материале романа У. Коллинза «The Woman in White» и его перевода на русский язык.

Реализация намеченной цели потребовала постановки и решения следующих задач, определивших логику и концепцию исследования:

- рассмотреть существующие определения понятия лингвокультурного концепта;
- изучить структуру лингвокультурного концепта;
- проанализировать лингвокультурный концепт «crime» в романе У. Коллинза «The Woman in White».

Теоретико-методологической основой работы являются книги и статьи ученых по проблемам анализа лингвокультурного концепта «crime» в английском языке, и другим проблемам, имеющим прямое отношение к данной теме.

Теоретические проблемы лингвокультурного концепта «crime» исследовали Бакланова Ю.С., Белов А.П., Гранберг А.В., Зандер Е.А., Иванов Н.В., Карлик А.В., Ратьковская Т.Ю., Румянцев А.А., Татаркин А.П.,

Шеховцева Л.В. и др. Наиболее известные в настоящее время подходы к выявлению структуры концепта, лежащие в основе ряда современных исследований в области лингвоконцептологии, принадлежат Ю.С. Степанову, В.И. Карасику, И.А. Стернину, В.В. Колесову и Г.Г. Слышкину.

Обоснование теоретических положений и аргументация выводов осуществлялась на основе реализации ряда методов, представляющих собой комплексный подход к анализу явлений и процессов, включающих лексикографический анализ, компонентный анализ и контекстуальный анализ.

Фактической базой исследования служит роман У. Коллинза «The Woman in White», периодические издания, монографии.

Научная новизна работы состоит в подробном описании национальной специфики и определении существенных признаков соответствующего концепта, установлении общих и индивидуальных характеристик этого концепта в английской лингвокультуре на материалах романа У. Коллинза «The Woman in White».

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что данная работа вносит определенный вклад в изучение языковой семантики и в область решения проблемы оптимизации межкультурного общения, представляя вариативность существования комплекса сем в рамках концепта «crime» и предполагает дальнейшее исследование в области лингвистики, лингвокультурологии. Исследование лингвокультурной сущности данного концепта способствует дальнейшей разработке комплексного подхода к анализу рассматриваемого концепта.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты работы могут быть использованы на практических занятиях английского и русского языков как иностранных, в лекционных курсах и спецкурсах по стилистике, лингвистике, общему и сопоставительному языкознанию. Фактический материал может быть использован в практике преподавания лексикологии, страноведения, стилистики, межкультурной коммуникации.

Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и приложений. Первая глава раскрывает теоретические основы лингвокультурного концепта «crime». В ней рассмотрены понятие и структура лингвокультурного концепта, изучены особенности концепта «crime» в английском и русском языках. Во второй главе проведен анализ лингвокультурного концепта «crime» в романе У. Коллинза «The Woman in White». С этой целью проанализированы ядро концепта, ближняя и дальняя периферии. В заключении работы приведены наиболее важные теоретические обобщения и выводы, полученные в ходе исследования.

1. Теоретические основы лингвокультурного концепта «crime»

1.1. Понятие лингвокультурного концепта

Существует множество подходов к определению и структурированию лингвокультурного концепта.

Впервые в отечественной науке термин «концепт» был употреблен С.А. Алексеевым-Аскольдовым в 1928 г. Ученый определил концепт как мысленное образование, которое замещает в процессе мысли неопределенное множество предметов, действий, мыслительных функций одного и того же рода [4, с. 65].

Д.С. Лихачев использовал понятие «концепт» для обозначения обобщенной мыслительной единицы. Эта единица отражает и интерпретирует явления действительности в зависимости от образования, личного опыта, профессионального и социального опыта носителя языка и, являясь своего рода обобщением различных значений слова в индивидуальных сознаниях носителей языка, позволяет общающимся преодолевать существующие между ними индивидуальные различия в понимании слов [7, с. 90].

Концепт, по Д.С. Лихачеву, не возникает из значений слов, а является результатом столкновения усвоенного значения с личным жизненным опытом говорящего. Концепт в этом плане, по Д.С. Лихачеву, выполняет заместительную функцию в языковом общении [10, с. 81].

Существуют 3 подхода к изучению концепта, и сторонники того или иного подхода определяют понятие «концепт» по-разному.

Первый, лингвистический подход, представлен взглядами С.А. Алексеева-Аскольдова, Д.С. Лихачева, В.В. Колесова, В.Н. Телия на природу концепта. В частности, Д.С. Лихачев, принимая в целом определение С.А. Аскольдова, считает, что концепт существует для каждого словарного

значения, и предлагает рассматривать концепт как алгебраическое выражение значения [9, с. 58].

В целом, представители данного направления понимаю концепт как весь потенциал значения слова вместе с его коннотативным элементом.

Коннотативный аспект значения обычно определяется как передаваемая словом, дополнительная по отношению к вещественному содержанию слова, информация об отношении говорящего к обозначаемому предмету или явлению.

Коннотация может быть кратко определена как эмоционально-оценочный компонент лексического значения.

Как отмечает Н. Г. Комлев, коннотация не выражается эксплицитно - «это - семантическое изменение значения, включающее в себя совокупность семантических чувств, представления о знаке, лексическом понятии или о некоторых свойствах и качествах объектов, для обозначения которых употребляется данное словозначение» [14, с. 108]. То есть коннотация не имеет материального воплощения и создается в процессе восприятия языкового знака. Процесс восприятия и информация о знаке непосредственно связаны с условиями коммуникации, участниками и их личного жизненного опыта.

Сторонники второго, когнитивного, подхода к понимаю сущности концепта относят его к явлениям ментального характера. Так, З.Д. Попова и И.А. Стернин относят концепт к мыслительным явлениям, определяя его как глобальную мыслительную единицу, «квант структурированного знания» [12, с. 96].

Представители третьего подхода при рассмотрении концепта большое внимание уделяют культурологическому аспекту. По их мнению, вся культура понимается как совокупность концептов и отношений между ними.

Концепт трактуется ими как основная ячейка культуры в ментальном мире человека. Этому взгляда придерживаются В.А. Маслова, В.И. Карасик, Ю.С. Степанов и Г.Г. Слышкин. Они убеждены, что при рассмотрении

различных сторон концепта внимание должно быть обращено на важность культурной информации, которую он передает [20, с. 101]. Ю.С. Степанов пишет, что «в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры – исходная форма, сжатая до основных признаков содержания истории; современные ассоциации; оценки и т.д.» [11, с. 50]. Иными словами, концепт признается Ю.С. Степановым базовой единицей культуры, ее концентратом [4, с. 123].

В понятии Ю.С. Степанова, концепт – микромодель культуры, он порождает ее и порождается ею. Являясь «сгустком культуры», концепт обладает экстралингвистической, прагматической, т.е. внеязыковой информацией [6, с. 40].

По определению профессора В.И. Карасика, концепт – первичное культурное образование, выражение объективного содержания слов, имеющее смысл и поэтому транслируемое в различные сферы бытия человека, в частности, в сферы преимущественно понятийного, преимущественно образного и преимущественного деятельностного освоения мира. Область, концептуализируемая концептом, осмыслена в языковом сознании и получает однословное обозначение [3, с. 54].

А.П. Бабушкин предлагает следующее определение концепта: «Концепт понимается нами как дискретная, содержательная единица коллективного сознания, отражающая предмет реального или идеального мира и хранимая в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде» [7, с. 52].

Е.В. Сергеева определяет концепт следующим образом: «Концепт – это некая информационная целостность, присутствующая в национальном коллективном сознании, прошедшая первичный семиозис и осознаваемая языковой личностью как инвариантное значение семантического поля» [8, с. 101].

Обобщая точки зрения на концепт и его определения в лингвистике, С.Г. Воркачев предлагает в качестве определения концепта следующее:

концепт – это единица коллективного знания/сознания, отправляющая к высшим духовным ценностям, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой [13, с. 80].

В.А. Маслова определяет концепт как «семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и характеризующее носителей определенной этнокультуры. Он окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом» [2, с. 73].

В.А. Маслова считает, что концепт является «носителем культурной памяти народа», через который происходит манифестация наиболее важных и сложных структурных образований культуры. Она определяет концепт как «семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и характеризующее носителей определенной этнокультуры. Он окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом» [6, с. 90].

В.А. Маслова перечисляет следующие инвариантные признаки концепта:

- это минимальная единица человеческого опыта в его идеальном представлении, вербализующаяся с помощью слова и имеющая полевую структуру;
- это основная единица обработки, хранения и передачи знаний;
- концепт имеет подвижные границы и конкретные функции;
- концепт социален, его ассоциативное поле обуславливает его прагматику;
- это основная ячейка культуры [12, с. 109].

1.2. Структура лингвокультурного концепта

Концепт имеет «слоистое» строение, его слои являются результатом, «осадком» культурной жизни разных эпох [3, с. 56]. Он складывается из исторически разных слоев, отличных и по времени образования, и по

происхождению, и по семантике. Особая структура концепта включает в себя:

- основной (актуальный) признак;
- дополнительный (пассивный, исторический) признак;
- внутреннюю форму (обычно не осознаваемую) [16, с. 84].

«В лингвокультурологии сложилось несколько подходов к выявлению структуры концепта. Все они основываются на положении о том, что как структурная единица концептуальной системы концепт репрезентируется семантическими структурами различного уровня сложности и абстрактности и имеет свои «представительства» в лексической системе языка» [9, с. 53].

Наиболее известные в настоящее время подходы к выявлению структуры концепта, лежащие в основе целого ряда современных исследований в области лингвоконцептологии, принадлежат Ю.С. Степанову, В.И. Карасику, И.А. Стернину, В.В. Колесову и Г.Г. Слышкину [8, с. 96].

Ю.С. Степанов утверждает, что концепт имеет многослойную структуру и выделяет:

- «основной признак», «актуальный слой» концепта, в котором «концепт актуально существует для всех пользующихся данным языком (языком данной культуры) как средство их взаимопонимания и общения»;
- дополнительный, или несколько дополнительных, «пассивных» признаков, являющихся уже неактуальными, «историческими», актуализирующимися «при общении людей лишь некоторых социальных групп»;
- «буквальный смысл» или «внутреннюю форму, обычно вовсе не осознаваемую, запечатленную во внешней, словесной форме», или этимологический, наиболее удаленный в историю, признак концепта [11, с. 92].

Данный подход можно назвать диахроническим, в его рамках структура концепта рассматривается в процессе ее эволюционирования в рамках культуры [3, с. 66]. Оригинальная концепция структуры лингвокультурного концепта принадлежит Г.Г. Слышкину, который предлагает ассоциативную модель концепта, исходя из того, что последний функционирует как процесс непрерывной номинации и реноминации объектов, появления новых и утраты старых ассоциативных связей между языковыми единицами и номинируемыми объектами [10, с. 77]. Номинативная плотность концепта в рамках данного подхода является основной характеристикой интразоны концепта (совокупности входящих в концепт ассоциаций), а метафорическая диффузность – его экстразоны (совокупности исходящих ассоциаций) [9, с. 80].

По мнению В.В. Колесова, смысловое единство концепта обеспечивается последовательностью его «проявления в виде образа, понятия и символа», где образ представляет психологическую основу знака, понятие отражает логические функции сознания, а символ – общекультурный компонент словесного знака [11, с. 112].

И.А. Стернин и З.Д. Попова предлагают полевою модель концепта по аналогии с полевою организацией значения слова (развивая идеи Э. Рош, Е.В. Рахилиной, Л.О. Чернейко и др.). Исходя из того, что значение слова имеет полевою структуру (архисема в ядре, дифференциальные семы на ближней периферии, скрытые семы на дальней периферии), авторы предлагают допустить, что и концепт имеет многослойную организацию, которая может быть выявлена через анализ языковых средств ее репрезентации. По мнению авторов подхода, концепт может получить полевое описание – в терминах ядра и периферии. К ядру относятся прототипические слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, первичные яркие образы; более абстрактные признаки составляют периферию концепта. Базовый образ может исчерпывать содержание концепта, если концепт отражает

конкретные чувственные ощущения и представления, либо вычленяется в сознании примитивно мыслящих индивидов [14, с. 210].

В более сложных концептах на базовый образ наслаиваются дополнительные концептуальные признаки. Признаков может быть много, они могут образовывать относительно автономные концептуальные слои от более конкретного слоя к более абстрактному. Совокупность базового образа, его когнитивных признаков и концептуальных слоев составляют объем концепта. Авторы подчеркивают, что «многочисленных концептуальных слоев в концепте может не быть, но базовый когнитивный слой с чувственно-образным ядром есть у каждого концепта, иначе концепт не может фиксироваться в универсальном предметном коде как дискретная единица мышления (смысловая отдельность), не может функционировать как мыслительная единица» [6, с. 90].

Предикация - одна из функций языкового выражения, имеющая целью соотнести заключенную в отрезке речи мысль к действительности: состоянию объекта или субъекта, событию или ситуации. Предикация - формальное установление связей между субъектом и предикатом.

Периферия состоит из слабо структурированных предикаций, отражающих интерпретацию отдельных концептуальных признаков и их сочетаний в виде утверждений, установок сознания, вытекающих в данной культуре из менталитета разных людей. Этот слой содержания концепта был обозначен термином «интерпретационное поле концепта» [20, с. 137].

В.И. Карасик, выявляя структуру концептов – духовных ценностей, выделяет в ней, помимо образной, понятийную и ценностную составляющие. Образную составляющую автор понимает как «след чувственного представления в памяти в единстве с метафорическими переносами». Понятийная составляющая представляет собой, по мнению В.И. Карасика, «совокупность существенных признаков объекта или ситуации и итог их познания». С лингвокультурологической точки зрения доминирующей

является ценностная составляющая, поскольку она более всего культурно значима [8, с. 70].

Принимая подход к моделированию структуры концепта В.И. Карасика в целом, С.Г. Воркачѐв выделяет в семантическом составе лингвоконцепта, помимо образной, ценностной и понятийной, также значимостную составляющую, «определяемую местом, которое занимает имя концепта в языковой системе». В значимостную составляющую входят также этимологические и ассоциативные характеристики имени концепта [10, с. 102].

Термин «значимостная» в концепции С.Г. Воркачѐва восходит к Ф. Соссюру, который назвал совокупность имманентных характеристик, определяющих место языковой единицы в лексико-грамматической системе «значимостью» [7, с. 147]. Исследовать ее Соссюр призывает не только по «оси одновременности», в синхронии, но и по «оси последовательности», в диахронии. Последняя ось, в случае значимостной составляющей лингвокультурного концепта, раскрывается, по мнению С.Г. Воркачѐва, как «этимологическая память слова», фиксирующая эволюцию внутренней формы лексической единицы, путь ее «этимона». В синхронии значимостная составляющая лингвоконцепта описывается, по мнению С.Г. Воркачѐва, через внутрипарадигматическую «равнозначность» и «разнозначность» этого имени: отношения синонимии и омонимии в границах соответствующей словарной статьи. В число значимостных характеристик концепта входит, по предположению автора, также соотношение частеречных реализаций его имени, его словообразовательная продуктивность. Значимостными являются и прагмастилистические свойства лексико-грамматических единиц, поскольку они реализуются исключительно на фоне синонимического ряда [10, с. 63].

Из вышесказанного следует, что содержание значимостной составляющей концепта выводится из ассоциаций его языкового имени, его словообразовательной продуктивности и номинативной плотности, однако

из ассоциативных отношений имен концепта выводится в рамках данного подхода также содержание понятийной составляющей концепта.

В.И. Карасик, впервые выделивший эту составляющую в структуре лингвокультурного концепта, предположил, что для концептов – духовных сущностей понятийный компонент является определяющим и представляет собой «совокупность существенных признаков объекта или ситуации и итог их познания» [5, с. 86].

А.В. Голубевой предлагается подход к моделированию структуры лингвокультурного концепта, уточняющий и развивающий положения описанных выше концепций [15, с. 175].

В соответствии с предлагаемым подходом структура лингвокультурного концепта включает образную, ассоциативную, понятийную, ценностную, этимологическую и историческую составляющие [19, с. 59].

Этимологическая составляющая концепта определяется внутренней формой слова, являющегося ключевым репрезентантом концепта. Этимологическая составляющая концепта служит средством дополнительной мотивации его ценностной составляющей.

Ассоциативная составляющая концепта индуцируется наиболее частотными (прототипическими) ассоциативными отношениями имен, имеющих внеконтекстную связь с концептом.

Понятийная составляющая концепта имеет зоны пересечения с ассоциативной, так как может включать смыслы, выводимые из доминантных ассоциативных связей концепта, однако базовыми в ее содержании являются дистинктивные, родовые признаки. Понятийная составляющая, хоть и может включать смыслы, выводимые из доминантных ассоциативных связей концепта, неинформативна при выявлении национально-культурных смыслов, так как содержит гипергипонимические признаки понятия, которые в случае концептов духовных сущностей могут совпадать в формулировках представителей разных культур.

Образная составляющая концепта может включать наглядно-чувственное представление («мыслительную картинку», перцептивный образ), а также комбинацию концептуальных метафор, выводимых носителем языка из сочетаемости имени, объективирующего концепт в языке. Метафорическое ядро концепта ментальной сущности поддается эмпирической верификации средствами языка и во многом мотивирует ценностную составляющую концепта [20, с. 70].

Ценностная составляющая лингвокультурного концепта понимается нами, вслед за Г.Г. Слышкиным, как его компонент, который может быть разложим на 2 измеряемых аспекта: актуальность и оценочность. Аспект оценочности находит выражение в наличии оценочной составляющей в значении языковой единицы, являющейся именем концепта, а также в сочетании этой единицы с оценочными эпитетами. Наличие оценочного аспекта проверяется методами компонентного и контекстуального анализа. Аспект актуальности реализуется в численности языковых единиц, являющихся средствами апелляции к данному концепту. Наличие аспекта актуальности проверяется методом количественного подсчета [6, с. 96].

Историческая составляющая лингвокультурного концепта включает наиболее значимые признаки ассоциативных составляющих концепта, входящие в его структуру на более ранних этапах существования в концептосфере этноса и, в значительной степени, определяющие его синхронное состояние [8, с. 54].

По мере обогащения ассоциативной составляющей концепта новыми ценностно акцентуированными признаками, ряд старых, теряющих актуальность и интенсивность оценочности, переходит в историческую составляющую. Важно учитывать при этом, что ни один из когда-либо ценностно акцентуированных признаков концепта не элиминируется полностью. Оставаясь в «пассивном» (историческом) слое, они способны актуализироваться в особых условиях дискурса [17, с. 111].

Основное внимание в исследовании структур лингвокультурных концептов следует уделять выявлению структур их ассоциативных составляющих, так как последние подвергаются верификации фактами языка, наиболее полно представляют национальное своеобразие концептов, в первую очередь, отражают диахронические изменения в структуре и ценностном статусе концептов, структурируют субконцептосферы и, в конечном итоге, национальную концептосферу [9, с. 104].

С.А. Кошарная также считает, что концептосфера – это различные типы объединения концептов (от бинарных оппозиций до концептуальных рядов и множеств), формирующие концептуальные поля. Объединение полей и составляет концептосферу [11, с. 54].

З.Д. Попова и И.А. Стернин считают, что источником формирования концептов является познавательная деятельность людей. «Концептосфера – область мыслительных образов, единиц УПК, представляющих собой структурированное знание людей». Кроме того, концептосфера носит достаточно упорядоченный характер. Концепты, образующие концептосферу, по отдельным своим признакам вступают в системные отношения сходства, различия и иерархии с другими концептами [17, с. 18].

Национальное своеобразие концептов определяется также их этимологической составляющей. Однако в силу того, что концепт в процессе своего исторического развития неоднократно «меняет одежды», обретая с диахроническими изменениями лексической системы языка новых репрезентантов, его этимологическую составляющую необходимо выявлять в рамках отдельных исторических срезов. Информация о прежних этимонах отходит в исторический слой концепта и не осознается носителями языка более поздних эпох [16, с. 106].

Диахроническое исследование ассоциативных составляющих концептов позволяет сделать вывод о структуре их исторических составляющих, включающих наиболее значимые в тот или иной период

развития концепта ассоциаты, а также признаки этимологических составляющих предыдущих эпох. Историческая составляющая актуализируется в специфических условиях дискурса, однако, мотивирует современную структуру и национально-культурную специфику концепта [15, с. 203].

Образная составляющая концепта (перцептивный и/или метафорический образы) совместно с ее ингерентными когнитивными признаками является ядром концепта [11, с. 48].

Ассоциативная составляющая является значимым конструктом концепта, отражающим его бытие в актуальном срезе, однако все содержание концепта к ней ни в коем случае не сводится. Именно это позволяет концепту «пережить» своих номинантов, не диссимилироваться вместе с распадом актуализирующих его лексических микропарадигм [10, с. 64].

Таким образом, к определению структуры концепта возможны различные подходы. Каждый концепт как сложный ментальный комплекс включает в себя, помимо смыслового содержания, еще и оценку, отношение человека к тому или иному отражаемому объекту и другие компоненты:

- Общечеловеческий, или универсальный.
- Национально-культурный, обусловленный жизнью человека в определенной культурной среде.
- Социальный, определяемый принадлежностью человека к определенному социальному слою.
- Групповой, обусловленный принадлежностью языковой личности к некоторой возрастной и половой группе.
- Индивидуально-личностный, формируемый под влиянием личностных особенностей – образования, воспитания, индивидуального опыта, психофизиологических особенностей [5, с. 138].

Обобщенно структуру концепта можно представить в виде круга, состоящего из ядра и периферии. Ядро концепта – основное понятие, семы, зафиксированные в словарных статьях, периферия – те коннотативные и

ассоциативные приращения, которые привносятся культурой и реализуются при определенном наборе слов-репрезентантов.

Также необходимо отметить существование 2-х подходов к понятию фрейма в когнитивной лингвистике: фрейм как структура знания и фрейм как структура представления знания. С одной стороны, фрейм рассматривается как часть когнитивной системы человека. В этом случае фрейм определяется как реальная когнитивная структура, «структурированный фрагмент знания мира на каком-то его участке, сложившийся в сознании вокруг какой-то сущности как обобщенное суммарное представление о сфере ее бытования» [1, с. 62]. С другой стороны, фрейм является средством, инструментом представления когнитивной структуры, «когнитивной моделью, передающей знания и мнения об определенной, часто повторяющейся ситуации» [2, с. 29].

К числу вопросов, имеющих неоднозначную трактовку, относится вопрос о соотношении понятий «фрейм» и «концепт».

Можно выделить несколько линий соотношения данных понятий.

С одной стороны, фрейм и концепт находятся между собой в родовидовых отношениях, где концепт является родовым понятием по отношению к фрейму. Как отмечает Н. Н. Болдырев, фрейм используется для «обозначения структурированных концептов; он входит в состав концепта, который, в свою очередь, используется для представления любых единиц знания, в том числе неструктурированных» [2, с. 29]. Выступая в качестве вида по отношению к родовому понятию «концепт», фрейм сам по себе может также выступать родовым понятием для ряда явлений: тогда в него входят собственно фрейм, схема, сценарий и когнитивная модель в понимании Е. Г. Беляевской.

С другой стороны, фрейм и концепт соотносятся как сложное и простое понятия. В этом случае фрейм выступает как род сложного концепта. Именно в таком смысле трактует фрейм Н.Н. Болдырев - как «объемный,

многокомпонентный концепт, представляющий собой «пакет» информации, знания о стереотипной ситуации» [3, с. 36].

У данного исследователя противопоставление фрейма и концепта строится на основе особенностей объектов, отраженных в концепте: концепт отражает какой-либо объект, образ, поэтому он «прост» по отношению к фрейму, отражающему целую ситуацию. С подобной точкой зрения согласен М.В. Никитин, также подразумевающий под фреймом род сложного концепта. Однако, по мнению автора, сложность фрейма заложена не в его природе, а задана по определению: задан ход от концепта-элемента к концепту-структуре более высокого порядка [1, с. 61].

Помимо этого, фрейм и концепт можно рассматривать как 2 вида концептуальных структур, обладающих сходными и различными чертами. Сходство данных понятий проявляется в наличии обязательных, существенных признаков, во взаимосвязи концептов и фреймов между собой, в единстве, гибкой и подвижной природе этих понятий. В качестве отличительных черт можно назвать преимущественную связь фрейма с процессом категоризации, а концепта - концептуализации; доминирование во фрейме стабильных, типизированных признаков и включенность в концепт всех признаков, вплоть до единичных, актуальных только для конкретного носителя языка; как следствие предыдущей черты - большая доля субъективности концепта и более коллективный характер фрейма, более четкая, жесткая структура фрейма. Кроме этого, как отмечает Е. В. Лукашевич, «в научных описаниях фреймовая структура чаще представлена иерархически: вглубь от верхних уровней к нижним, глубинным уровням, а концепт изображается больше в виде полевой модели с ядром и периферией» [4, с. 71].

Интересной представляется точка зрения И.А. Тарасовой, предлагающей трактовать фрейм как «когнитивную структуру более высокого порядка, чем концепт, как тип взаимодействия между концептами, способ (форму) организации ментального пространства» [5, с. 2].

Следует согласиться с точкой зрения Е.В. Лукашевич, которая считает, что все понятия, существующие в настоящее время в когнитивной лингвистике для описания структур представления знания, можно объединить под одним родовым понятием - когнитивные структуры - структуры отражения и представления знаний в уме человека. Видовыми же элементами являются концепт, фрейм, скрипт, схема и т. п. [23, с. 60].

Несмотря на наличие нерешенных, противоречивых вопросов относительно фрейма, обзор теоретической литературы по фрейму позволяет выделить общие свойства данного понятия:

1. Прежде всего, категория фрейма относится к сфере знания: фрейм представляет собой структуру знания. Практически всех ученых интересует знание о мире, об определенных отрезках действительности, поэтому зачастую в определении понятия «фрейм» они упускают указание на тип знания (определяя фрейм просто как структуру знания/структуру представления знания), подразумевая имплицитно, что речь идет именно о знании о мире. Однако некоторые исследователи предпочитают конкретизировать интересующую их и отражающуюся во фрейме сферу знания. В понимании Н. Н. Болдырева, например, фрейм является «моделью культурно-обусловленного, канонизированного знания» [3, с. 62]. Для него главным условием является то, чтобы знание было общим, по крайней мере для части общества. В целом фрейм может представлять собой структуру знания из любой сферы жизни человека и общества.

2. Всеми учеными подчеркивается тот факт, что фрейм структурирует знания о типизированной, стереотипной, тематически единой ситуации.

3. Из предыдущего свойства логически вытекает наличие конвенционального начала во фрейме, подчеркиваемое практически всеми исследователями. Если фрейм отражает знания, известные большинству членов данного общества, то он должен включать в себя устойчивые, конвенциональные признаки, способствующие легкому и быстрому

узнаванию фрейма любым членом общества. Эти признаки, как правило, занимают верхние уровни фрейма и остаются стабильными, постоянными.

Доминантным компонентом (фреймом) в структуре концепта «нарушение закона» является преступление (crime).

От первого инцидента мелких краж до современного медиапиратства преступления и наказания были частью любого общества. Однако характер преступлений и наказание преступников определяются структурой и ценностями конкретного общества.

В уголовном кодексе РФ «Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное Кодексом под угрозой наказания» [1, с. 78]. В зависимости от характера и степени общественной опасности деяния подразделяются на преступления небольшой тяжести, преступления средней тяжести, тяжкие преступления и особо тяжкие преступления [10, с. 65].

В русском языке концепт «преступление» репрезентируют следующие лексические единицы: преступление, преступное деяние, злодеяние, правонарушение, провинность, фелония, законопреступление, грех [14, с. 90].

Первое упоминание лексемы crime имеет место в Библии, где она употребляется в ряду языковых репрезентаций концепта «грех» [3, с. 112].

В современном английском языке crime (преступление) – это:

a) действие или халатность, которые считаются опасными для общественного благосостояния или нравственности или интересов государства и юридически запрещены;

b) преступная деятельность и лица, вовлеченные в нее, (например, to fight crime – бороться с преступлением);

c) частое или повторяющееся совершение преступлений (например, a life of crime – преступная жизнь);

d) любой проступок, серьезное правонарушение или грех;

е) глупый, бессмысленный или позорный поступок (например, *It's a crime to let that beautiful garden go to ruin* - Это преступление позволить такому красивому саду погибнуть) [6, с. 84].

Анализ словарных дефиниций позволяет определить содержательный минимум концепта «crime», выражающийся как «любое событие или действие, запрещенное уголовным правом» [9, с. 104]. Обязательным компонентом при этом является неизбежность наказания. В структуре концепта выделяются такие характеристики, как вина, мотив, уровень умственного развития преступника, моральная сторона противоправного действия.

Таким образом, составляющей частью категориального аппарата является концепт. Лингвокультурный концепт представляет собой сложную ментальную единицу, направленную на изучение языка, сознания и культуры. Лингвокультурный концепт занимает важное положение в языковом сознании человека, чем и обуславливается значимость его исследования.

2. Анализ лингвокультурного концепта «crime» в романе

У. Коллинза «The Woman in White»

2.1. Ядро концепта

К лингвокультурному концепту «crime» в английском языке на материале романа У. Коллинза «The Woman in White» мы относим все номинации, использованные автором для обозначения преступлений, преступников, их жертв и любых явлений, связанных с преступлениями. Все упомянутые слова были продефинированы с помощью лексикографического анализа, компонентного анализа и контекстуального анализа. Данная работа была необходима для выявления семантических компонентов значений этих номинаций и проведения компонентного анализа сем, входящих в состав полученных дефиниций.

Центр ядра лингвокультурного концепта «crime» формируется прямыми номинациями понятия «crime». Нами было выделено два семантических компонента данной номинации:

- an illegal activity or action;
- something that is morally wrong or a mistake.

Номинации, дефиниции которых содержат в себе все оба семантических компонента, формируют, на наш взгляд, ядро лингвокультурного концепта.

Таким образом, к центру ядра концепта относится само слово «crime».

The machinery it has set up for the detection of crime is miserably ineffective – and yet only invent a moral epigram, saying that it works well, and you blind everybody to its blunders from that moment.

Механизм, созданный для раскрытия преступления, крайне убог и жалок, однако стоит только выдумать крылатое словцо, что все обстоит благополучно, как все готовы слепо этому поверить, все сбиты с толку.

Данный пример репрезентирует информацию о несовершенстве криминалистических методов того времени (вторая половина – конец девятнадцатого века). С точки зрения автора, преступления легко совершать и очень трудно им противодействовать, поскольку, с одной стороны, методы раскрытия преступления нуждаются в доработке, а с другой стороны – общество легко позволяет ввести себя в заблуждение относительно совершаемых преступлений, что упрощает задачу преступника.

In the first place, I saw darkly what the nature of the conspiracy had been, how chances had been watched, and how circumstances had been handled to ensure impunity to a daring and an intricate crime.

Во-первых, хоть и смутно, но я уже понимал, как было задумано и осуществлено это злодеяние, как подстерегали каждую возможность для претворения его в жизнь, как были подтасованы факты, чтобы обеспечить полную безнаказанность этого дерзкого и запутанного преступления.

Данный пример отражает недостаточно полное понимание концепции совершенного преступления, однако, с другой стороны, раскрыты события, которые имели к нему непосредственное отношение, а именно, подтасовка фактов. Тем не менее, не до конца выяснены все факты данного преступления, что находит отражение в таких выражениях, как «смутно» и «запутанное преступление».

It was plain that Anne Catherick had been introduced into Count Fosco's house as Lady Glyde - it was plain that Lady Glyde had taken the dead woman's place in the Asylum - the substitution having been so managed as to make innocent people (the doctor and the two servants certainly, and the owner of the mad-house in all probability) accomplices in the crime.

Анна Катерик была в доме графа под видом леди Глайд, леди Глайд заняла место умершей Анны Катерик в лечебнице для умалишенных. Все было подстроено таким образом, чтобы совершенно невиноватые и непричастные люди (какими бесспорно были доктор, две служанки и,

вероятно, директор лечебницы) оказались соучастниками этого преступления.

Данный пример показывает, насколько эффективно и удачно было продумано совершенное преступление теми, кто имел к нему непосредственное отношение. Это подтверждается тем, что соучастниками этого преступления оказались «совершенно невиноватые и непричастные люди».

The paltry means by which the fraud had been effected, the magnitude and daring of the crime that it represented, the horror of the consequences involved in its discovery, overwhelmed me.

Низость этого подлога, размеры и дерзость этого преступления, ужасные последствия для самого преступника в случае, если бы подлог был обнаружен, - все вместе ошеломило меня.

Данный пример показывает масштабность совершенного преступления, а также его смелость. Однако, раскрыто оно не было.

Помимо номинации «crime» в ядро концепта входят также номинации «fraud» (the crime of obtaining money from someone by tricking them), «murder» (the crime of killing someone deliberately), murderer (someone who commits murder) и criminal (relating to illegal acts, or to the parts of the legal system that deal with crime). Они были отнесены к ядру на том основании, что их словарные дефиниции содержат в себе само слово «crime», таким образом, автоматически повторяя все семантические компоненты, входящие в дефиницию номинации «crime».

Рассмотрим примеры, содержащие в себе номинацию «fraud».

Torn in her own lifetime from the list of the living, the daughter of Philip Fairlie and the wife of Percival Glyde might still exist for her sister, might still exist for me, but to all the world besides she was dead. Dead to her uncle, who had renounced her; dead to the servants of the house, who had failed to recognize her; dead to the persons in authority, who had transmitted her fortune to her husband

and her aunt; dead to my mother and my sister, who believed me to be the dupe of an adventuress and the victim of a fraud; socially, morally, legally-dead.

Вычеркнутая при жизни из списка живых, дочь покойного Филиппа Фэрли и жена благополучно здравствующего сэра Персиваля Глайда, баронета, была жива для своей сестры и меня, но для всего остального мира ее не было, она умерла. Умерла для своего родного дяди, который отказался от нее, умерла для слуг, не узнавших ее, для официальных лиц, передавших ее состояние в руки ее мужа и тетки, для моей матушки и сестры, считавших, что я введен в заблуждение, жестоко обманут искательницей приключений и являюсь жертвой наглого мошенничества. В глазах общества и закона, с точки зрения морали, социально, формально - она умерла.

Данный пример иллюстрирует то, как девушка, участвовавшая в мошенничестве, потеряла моральный облик как для своих близких, так и для общества в целом.

He put the questions - sharp, suspicious, unbelieving questions, which clearly showed me, as they proceeded, that he thought I was the victim of a delusion, and that he might even have doubted, but for my introduction to him by Miss Halcombe, whether I was not attempting the perpetration of a cunningly-designed fraud.

Его вопросы были острыми, подозрительными, недоверчивыми. Мне стало ясно, что он считает меня жертвой заблуждения и, если бы не рекомендательное письмо мисс Голкомб, готов был бы заподозрить меня в каком-то хитроумном мошенничестве.

Данный пример показывает, что, когда совершается преступление (мошенничество), каждый начинает подозревать в его совершении друг друга. Это связано с тем, что в рамках анализируемого романа тесно были переплетены события и люди, принимавшие в них невольное участие.

Рассмотрим примеры, содержащие в себе номинацию «murder».

It is, upon the whole, the very worst place for a murder that I ever set my eyes on.

В общем, это самое неподходящее место для убийства, которое когда-либо подалось мне на глаза.

Данный пример иллюстрирует относительную неожиданность в месте для убийства, поскольку оно было далеко не самым подходящим.

Рассмотрим пример, содержащий в себе номинацию «murderer».

In the few cases that get into the newspapers, are there not instances of slain bodies found, and no murderers ever discovered?

Среди тех немногих происшествий, которые попадают в газеты, разве нет отдельных случаев, когда убитые найдены, а убийцы не обнаружены?

Данный пример показывает, что раскрытие преступлений, а именно убийств, не всегда равно количеству жертв.

And if Count Fosco must divide murderers into classes, I think he has been very unfortunate in his choice of expressions.

И если граф Фоско разделяет убийц по категориям, я считаю, что он делает это в весьма неподходящих выражениях.

В данном примере отражается, по мнению автора этого высказывания, некорректный подход графа Фоско к классификации убийц.

Рассмотрим примеры, содержащие в себе номинацию «criminal».

It is easy to turn everything into ridicule», said Laura resolutely; but you will not find it quite so easy, Count Fosco, to give me an instance of a wise man who has been a great criminal.

Можно высмеять все что угодно», - продолжала отважно Лора, - но вам нелегко будет, граф, указать мне пример, когда мудрец стал бы преступником.

Данный пример показывает, что, по мнению Лоры, умный и наделенный мудростью человек не нарушит закон и не станет преступником. Однако это отмечается не в ультимативной форме, а является больше «предполагаемым фактом».

В английском языке есть ряд близких по значению лексем, вербализующих концепт «нарушение закона». Ключевой является лексема

преступление (crime), имеющая широкий спектр значений. В результате проведенного анализа выявлено, что наиболее тяжкими в Викторианскую эпоху являлись такие преступления как «fraud» и «murder». Англия характеризовалась достаточно высоким уровнем преступности. Среди самых распространенных преступлений – мошенничество и убийство, что и отражено в романе У. Коллинза «The Woman in White».

2.2. Ближняя периферия

Лингвокультурный концепт «crime» имеет ближнюю периферию, в которую входят такие номинации как «conspiracy» (the legal offence of planning a serious crime), «swearing» (to make a sincere statement that you are telling the truth), «treachery» (a treacherous act), «deception» (the act of tricking someone by telling them something that is not true), «imposture» (very formal the behavior of an imposter) и «violence» (the deliberate intention of causing damage to property or injury or death to people).

Таким образом, к ближней периферии ядра концепта следует отнести слово «conspiracy», поскольку оно имеет дефиницию «the legal offence», которая является синонимом выражения «an illegal action», являющееся одним из семантических компонентов номинации «crime».

Two obvious conclusions presented themselves to my mind after hearing it. In the first place, I saw darkly what the nature of the conspiracy had been, how chances had been watched, and how circumstances had been handled to ensure impunity to a daring and an intricate crime.

Мне стало ясно, когда мне ее рассказали, что два неизбежных вывода напрашиваются сами собой. Во-первых, хоть и смутно, но я уже понимал, как было задумано и осуществлено это злодеяние, как подстерегали каждую возможность для претворения его в жизнь, как были подтасованы факты, чтобы обеспечить полную безнаказанность этого дерзкого и запутанного преступления.

Данный пример отражает недостаточно полное понимание концепции совершенного «злодеяния», однако, с другой стороны, раскрыты события, которые имели к нему непосредственное отношение, а именно, подтасовка фактов.

The success of the conspiracy had brought with it a clear gain to those two men of thirty thousand pounds - twenty thousand to one, ten thousand to the other through his wife.

Успешное осуществление их гнусного замысла принесло этим двум злодеям чистую прибыль в тридцать тысяч фунтов - двадцать тысяч одному, а другому, через его жену, мадам Фоско, - десять тысяч.

Данный пример показывает, насколько удачными были итоги осуществления заговора (в переводе – «гнусного замысла») в финансовом плане. Совершение данного преступления принесло их исполнителям большую сумму денег.

К ближней периферии ядра концепта следует отнести слово «swearing», поскольку оно имеет дефиницию «to evidence under oath in order to obtain (a warrant for arrest)», которая является синонимом выражения «something that is morally wrong», являющееся одним из семантических компонентов номинации «crime».

Suppose, for yourself, the raging, swearing frenzy of the lowest ruffian in England, and let us get on together, as fast as may be, to the way in which it all ended.

Представьте себе неистовые, бешеные ругательства самого отъявленного разбойника в Англии. Вернемся скорей к тому, чем все это кончилось.

Данный пример показывает, что неистовые ругательства рассматривались как преступление в Викторианскую эпоху.

К ближней периферии ядра концепта следует также отнести слово «treachery», поскольку оно имеет дефиницию «a treacherous act», которая

является синонимом термина «something that is morally wrong», являющееся одним из семантических компонентов номинации «crime».

The success of the conspiracy had brought with it a clear gain to those two men of thirty thousand pounds - twenty thousand to one, ten thousand to the other through his wife. They had that interest, as well as other interests, in ensuring their impunity from exposure, and they would leave no stone unturned, no sacrifice unattempted, no treachery untried, to discover the place in which their victim was concealed, and to part her from the only friends she had in the world - Marian Halcombe and myself.

Успешное осуществление их гнусного замысла принесло этим двум злодеям чистую прибыль в тридцать тысяч фунтов - двадцать тысяч одному, а другому, через его жену, мадам Фоско, - десять тысяч. В силу этого, а также и по многим другим причинам они, вне всякого сомнения, были крайне заинтересованы в том, чтобы их преступление не было раскрыто. Они бесспорно ни перед чем не остановятся, пойдут на любую низость, чтобы доискаться, где скрылась их жертва, и разлучат ее с единственными ее друзьями на свете - с Мэриан Голкомб и со мной.

Данный пример показывает, на что готовы преступники ради сокрытия своих злодеяний. А именно, на все, как отмечается в данном примере. На любую «низость» ради того, чтобы найти жертву, и довести свое дело до конца.

К ближней периферии ядра концепта следует отнести слово «desertion», поскольку оно имеет дефиницию «the act of deceiving», которая является синонимом термина «an illegal action», являющееся одним из семантических компонентов номинации «crime».

It was clear that the series of deceptions which had removed Anne Catherick to London, and separated her from Mrs. Clements, had been accomplished solely by Count Fosco and the Countess, and the question whether any part of the conduct of husband or wife had been of a kind to place either of them within reach of the law might be well worthy of future consideration.

Ясно было, что серия обманов, посредством которых Анну заманили в Лондон и разлучили с миссис Клеменс, была делом рук графа Фоско и его жены, но вопрос о том, можно ли было подвергнуть их судебному преследованию за это, оставался открытым.

Данный пример иллюстрирует причастность графа Фоско и его жены к преступлению путем «серий обмана». Однако привлечь их к ответственности представляется сложным.

К ближней периферии ядра концепта мы относим и слово «*imposture*», поскольку оно имеет дефиницию «*the act of pretending to be someone else in order to deceive others*», которая является синонимом термина «*something that is morally wrong*», являющееся одним из семантических компонентов номинации «*crime*».

We two, in the estimation of others, are at once the dupes and the agents of a daring imposture.

В глазах людей, знающих нас, мы двое - одновременно и жертвы, и инициаторы дерзкого надувательства.

Данный пример показывает обман, недобросовестность тех, кто стал жертвой. Это связано с тем, что жертвы также являются и инициаторами «надувательства».

К ближней периферии ядра концепта следует отнести слово «*violence*», поскольку оно имеет дефиницию «*action which causes destruction, pain, or suffering*», которая является синонимом термина «*something that is morally wrong*», являющееся одним из семантических компонентов номинации «*crime*».

Who could wonder now at the brute-restlessness of the wretch's life - at his desperate alternations between abject duplicity and reckless violence - at the madness of guilty distrust which had made him imprison Anne Catherick in the Asylum, and had given him over to the vile conspiracy against his wife, on the bare suspicion that the one and the other knew his terrible secret?

Понятны были теперь неустанная, непрерывная тревога и беспокойство этого презренного негодяя, отчаянные вспышки безрассудного буйства, чередовавшегося с жалким малодушием, безумная подозрительность, из-за которой он упрятал Анну Катерик в сумасшедший дом и совершил страшное злодеяние против своей жены только на основании пустого, померещившегося ему предположения, что она, как Анна Катерик, тоже знает его тайну!

Данный пример показывает шизофренические наклонности одного из героев к Анне Катерик, которую он «упрятал в сумасшедший дом». Причиной тому послужили его тревога, беспокойство, агрессия, «вспышки безрассудного буйства, чередовавшегося с жалким малодушием», а также подозрительность. Также здесь отражены родственные отношения преступника и его жертвы. Следует отметить, что насилие, по представлениям людей Викторианской эпохи, также является преступлением.

Таким образом, в романе У. Коллинза «The Woman in White» использованы такие номинации, как conspiracy, swearing, treachery, deception, imposture, violence, которые находят свою реализацию в различных контекстуальных ситуациях, посвященных преступлению. Проанализированные номинации объединяет ближняя периферия концепта «crime». Автор романа использовал данные номинации для обозначения преступлений, преступников и некоторых явлений, связанных с преступлениями и сопровождающих преступления, однако приведённые номинации обозначают менее серьёзные преступления, нежели номинации, входящие в ядро концепта.

2.3. Дальняя периферия

Лингвокультурный концепт «crime» имеет дальнюю периферию, в которую входят такие номинации как «a court of law» (a court where legal trials take place), «law» (a system of rules within a country, region, or community

dealing with people's behavior and activities), «jury» (a group of people, usually 12, who judge a court case), «judge» (someone whose job is to make decisions in a court of law), «trial» (the process of examining a case in a court of law and deciding whether someone is guilty or innocent), «law expenses» (relating to this profession, to courts, or to a legal system) и «defend» (to protect someone or something from attack). Данные номинации не имеют в своих дефинициях ни одного из семантических компонентов, характерных для номинации «crime», они были отнесены к концепту лишь на основании ассоциаций и контекстуального анализа. Поскольку дальняя периферия является самой многочисленной, уместным представляется разделить её на несколько секторов в соответствии с титульными номинациями.

2.3.1. Дальняя периферия лингвокультурного концепта «crime». Сектор «Justice»

К сектору «Justice» мы относим номинации, имеющие отношение к системе правосудия. Таким образом, к сектору «Justice» дальней периферии лингвокультурного концепта следует отнести сочетание «a court of law», поскольку оно имеет дефиницию «a court where legal trials take place», которая имеет непосредственное отношение к преступнику и, соответственно, преступлению, совершенному им.

I pass over minor points of evidence on both sides to save time, and I ask you, if this case were to go now into a court of law - to go before a jury, bound to take facts as they reasonably appear - where are your proofs?

Я пропускаю некоторые подробности, чтобы не терять времени. Я спрашиваю вас: если бы дело пошло в суд, на рассмотрение присяжных, обязанных считаться с фактами, а не с предположениями, какие неопровержимые доказательства мы могли бы им представить?

В данном примере упоминается суд, который является непосредственным участником судебного процесса, органом государства,

осуществляющим правосудие в форме рассмотрения и разрешения различных категорий дел в установленном законом процессуальном порядке.

К сектору «Justice» дальнейшей периферии концепта следует отнести слово «law», поскольку закон относится к правопорядку, а его нарушение является преступлением.

We cannot produce the law proof, and we are not rich enough to pay the law expenses.

У нас нет юридических доказательств, и мы недостаточно богаты, чтобы оплатить судебные издержки.

Данный пример иллюстрирует отсутствие доказательств в рамках уголовного дела и невозможность покрыть судебные издержки.

К сектору «Justice» дальнейшей периферии концепта следует отнести слово «jury», поскольку оно имеет дефиницию «a group of people, usually 12, who judge a court case». Присяжные имеют непосредственное отношение к преступлению, поскольку их деятельность связана с вынесением приговора по совершенным преступлением, караемым государством.

I pass over minor points of evidence on both sides to save time, and I ask you, if this case were to go now into a court of law - to go before a jury, bound to take facts as they reasonably appear - where are your proofs?

Я пропускаю некоторые подробности, чтобы не терять времени. Я спрашиваю вас: если бы дело пошло в суд, на рассмотрение присяжных, обязанных считаться с фактами, а не с предположениями, какие неопровержимые доказательства мы могли бы им представить?

Данный пример показывает, что присяжные, рассматривающие дело в суде, должны руководствоваться именно фактами и принимать во внимание только их. Таким образом, присяжные - это участники судебного процесса, которые рассматривают дело наряду с судьей и принимают решение по его результатам. При этом, суд присяжных - это такая форма судопроизводства по уголовным делам, при которой вопросы факта, то есть вопросы о том, было или не было совершено само преступление, совершил

ли подсудимый данное преступление, в том числе виновен ли подсудимый в его совершении, заслуживает ли он снисхождения, решают не профессиональные судьи-юристы, а коллегия граждан.

К сектору «Justice» дальнейшей периферии концепта следует отнести слово «judge», поскольку судья имеет непосредственное отношение к уголовным делам, рассматриваемым в суде, а значит и к преступлениям.

Judge me by what I might have done.

Судите меня, приняв во внимание, что я мог бы совершить.

Данный пример показывает, что фигурант уголовного дела, по его мнению, мог бы совершить гораздо более серьезное преступление, поэтому суд должен это учесть и не выносить слишком строгий приговор.

К сектору «Justice» дальнейшей периферии концепта следует отнести слово «trial», поскольку оно имеет дефиницию «the process of examining a case in a court of law and deciding whether someone is guilty or innocent». Судебное разбирательство является одним из этапов расследования совершенного преступления.

A trial of skill between the police on one side, and the individual on the other.

Состязание в ловкости между полицией, с одной стороны, и отдельной личностью - с другой.

Данный пример показывает, что необходимо обладать определенными качествами, чтобы не быть пойманным полицией, быть с ней в состоянии «игры», но не позволить себя поймать.

К сектору «Justice» дальнейшей периферии концепта следует отнести слово «law expenses», поскольку оно имеет дефиницию «relating to this profession, to courts, or to a legal system». Судебные издержки являются доказательством уголовного дела, имеющего отношение к преступлению.

We cannot produce the law proof, and we are not rich enough to pay the law expenses.

У нас нет юридических доказательств, и мы недостаточно богаты, чтобы оплатить судебные издержки.

Согласно данному примеру, судебные издержки являются достаточно высокими. Судебные расходы состоят из государственной пошлины и издержек, связанных с рассмотрением дела. Судебные издержки - это денежные суммы, подлежащие взысканию при рассмотрении конкретного дела для выплаты их лицам, оказывающим содействие в осуществлении правосудия (экспертам, свидетелям, специалистам), возмещения затрат суду по совершению перечисленных в законе отдельных процессуальных действий. В отличие от государственной пошлины, размер издержек определяется исходя из фактически понесенных затрат при рассмотрении и разрешении конкретного гражданского дела.

К сектору «Justice» дальнейшей периферии ядра концепта следует отнести слово «defend», поскольку оно имеет дефиницию «to protect someone or something from attack». В данном случае имеется ввиду защита преступника, что имеет прямое отношение к анализируемому концепту.

Sir Percival, being seemingly surprised and confounded, defended himself in such a guilty way that poor Catherick (whose quick temper I have told you of already) fell into a kind of frenzy at his own disgrace, and struck Sir Percival.

Сэр Персиваль, сконфуженный и взволнованный, оправдывался с таким виноватым видом, что бедный Катерик (я вам уже говорила, как быстро он терял голову) пришел в исступление и ударил сэра Персиваля.

Данный пример показывает, что сэр Персиваль, находясь в стрессовой ситуации, вел себя не совсем адекватно, был «skonфуженный и взволнованный», что привело к раздражению оппонента и применению физической силы.

Таким образом, в рамках романа У. Коллинза «The Woman in White» лингвокультурный концепт «crime» имеет дальнюю периферию, в которую входят такие номинации как «a court of law», «law», «jury», «judge», «trial», «law expenses» и «defend».

2.3.2. Дальняя периферия лингвокультурного концепта «crime». Сектор «Investigation»

Рассмотрим следующий сектор дальней периферии лингвокультурного концепта «crime», в который входят такие номинации как «inquiry» (an official examination of a crime, accident, problem etc, in order to get information or the truth), «evidence» (facts, statements, or objects that help to prove whether or not someone has committed a crime), «police» (an organization that tries to catch criminals and checks that people obey the law), «coroner» (someone whose job is to decide officially how a person died, especially if they died in a sudden or violent way).

Расследование относится к досудебному этапу следствия и предоставляет доказательную базу для анализируемого преступления. Таким образом, к сектору «Investigation» дальней периферии концепта следует отнести «inquiry».

The objects of the legal inquiry were necessarily be set by peculiar complications and difficulties.

Следствие было очень затруднено в силу всяческих осложнений.

Данный пример показывает, что судебное следствие - это такой этап судебного разбирательства, в ходе которого стороны последовательно излагают свою позицию по существу уголовного дела и доказывают ее путем представления доказательств и их проверки при участии суда. Таким образом, следствие заключается в исследовании доказательств судом при участии сторон.

К сектору «Investigation» дальней периферии концепта следует отнести номинацию «evidence», поскольку доказательства требуются в рамках уголовного дела, которое относится к преступлению.

These precautions enabled the coroner and jury to settle the question of identity, and to confirm the correctness of the servant's assertion; the evidence

offered by competent witnesses, and by the discovery of certain facts, being subsequently strengthened by an examination of the dead man's watch.

Благодаря принятым мерам, следователь и понятые смогли, наконец, совершенно точно установить личность погибшего и подтвердили истину слов лакея.

Данный пример показывает, что понятые являются участниками судебного производства, которые нужны для того, чтобы проконтролировать правильность сведений о следственном действии, которые следователь вносит в протокол. И, благодаря действиям как следователя, так и понятых, удалось опознать погибшего, что явилось следующим шагом к раскрытию преступления.

К сектору «Investigation» дальней периферии концепта следует отнести номинацию «police», поскольку одной из главных ее функций является выявление и раскрытие преступлений.

A trial of skill between the police on one side, and the individual on the other.

Состязание в ловкости между полицией, с одной стороны, и отдельной личностью - с другой.

Данный пример показывает, что полиция входит в систему государственных служб и органов по охране общественного порядка, и осуществляет широкий спектр функций. Наиболее характерной функцией является предупреждение (предотвращение), пресечение, выявление и раскрытие преступлений и других правонарушений.

К сектору «Investigation» дальней периферии концепта следует отнести слово «coroner», поскольку следователь имеет прямое отношение к расследованию уголовного дела, которое является следствием совершенного преступления.

These precautions enabled the coroner and jury to settle the question of identity, and to confirm the correctness of the servant's assertion; the evidence

offered by competent witnesses, and by the discovery of certain facts, being subsequently strengthened by an examination of the dead man's watch.

Благодаря принятым мерам, следователь и понятые смогли, наконец, совершенно точно установить личность погибшего и подтвердили истину слов лакея.

Данный пример показывает, что следователь — это должностное лицо органа предварительного следствия, правомочное рассматривать сообщения о преступлениях, принимать с согласия прокурора решение о возбуждении уголовного дела и проводить по нему предварительное расследование в форме предварительного следствия. Следователи правомочны также производить дознание по уголовным делам, по которым предварительное следствие не обязательно.

Таким образом, лингвокультурный концепт «crime» имеет дальнюю периферию, в состав которой входит сектор «Investigation», обозначающий процедуру расследования и её участников. В данный сектор входят такие номинации как «inquiry», «evidence», «police», «coroner».

2.3.3. Дальняя периферия лингвокультурного концепта «crime». Сектор «Consequences of a crime»

Рассмотрим следующий сектор дальней периферии лингвокультурного концепта «crime», в который входят такие номинации как «death» (the state of being dead), «injury» (facts, statements, or objects that help to prove whether or not someone has committed a crime).

Смерть является следствием преступления, поэтому к сектору «Consequences of a crime» дальней периферии ядра концепта следует отнести номинацию «death».

Death by disease, death by the Indians, death by drowning – all three had approached me; all three had passed me by.

Смерть от тропической лихорадки, смерть от руки индейца, смерть в пучине морской - все три угрожали мне, все три миновали меня.

Данный пример показывает, что жизнь автора этих слов не раз подвергалась опасности, но ему удавалось остаться живым. Причем опасность исходила как от человека, так и от водной стихии, так и от болезни. Тропическая лихорадка является острой вирусной инфекцией, которая переносится москитами.

There is the testimony of the medical certificate to prove the death, and to show that it took place under natural circumstances.

Затем есть медицинское заключение о ее смерти, последовавшей в силу естественных причин.

Данный пример показывает, что смерть наступила не насильственно, а имела естественный характер. Также отмечается, что было составлено медицинское заключение о смерти. Медицинское свидетельство о смерти выдается для обеспечения государственной регистрации смерти и для государственного статистического учета.

Your daughter's death has been made the pretext for inflicting serious injury on a person who is very dear to me. Two men have been concerned, to my certain knowledge, in doing that wrong.

Смерть вашей дочери дала возможность причинить серьезный, страшный ущерб человеку, очень мне близкому, и виновниками этого злодеяния, как мне стало известно, были двое людей.

В данном случае смерть была насильственной, причём в совершенном преступлении приняли участие два человека, эта смерть принесла много моральных страданий близким.

Besides the investigation into the manner in which the deceased had met his death, there were serious questions to be settled relating to the cause of the fire, to the abstraction of the keys, and to the presence of a stranger in the vestry at the time when the flames broke out.

Надо было выяснить не только вопрос о гибели человека, но и причину возникновения пожара, а также, каким образом были похищены ключи, и почему в ризнице во время пожара находился посторонний.

Данный пример показывает, что причина смерти, как и пожара, не была установлена. Прослеживался преступный мотив, поскольку восстанавливаемая цепочка событий позволила это предположить. На это указывает и факт присутствия чужого человека в это время на месте преступления. Кто был этот человек, как были похищены ключи, почему возник пожар и что является причиной гибели человека – все это только предстояло узнать.

Her uncle's house shall open to receive her, in the presence of every soul who followed the false funeral to the grave; the lie that records her death shall be publicly erased from the tombstone by the authority of the head of the family, and the two men who have wronged her shall answer for their crime to ME, though the justice that sits in tribunals is powerless to pursue them.

В присутствии всех тех, кто сопровождал на кладбище подложные похороны, ее родной дом откроет перед ней двери; по приказанию главы семьи Фэрли лживая надпись над могилой ее матери будет уничтожена; права Лоры Фэрли будут восстановлены, а те двое, кто совершил страшное злодеяние, ответят за свое преступление, - ответят передо мной, если закон не будет властен покарать их.

Таким образом, похороны Лоры Фэрли оказались «спектаклем». Как только это было выяснено, соответствующая атрибутика была уничтожена, как, например, надпись над ее могилой. Также данный факт позволил восстановить права Фэрли. Автор слов подтверждает, что известно о двоих людях, совершивших убийство. И отмечает, что если им удастся по каким-либо причинам избежать наказания, то он совершит самосуд.

I now had in my possession all the papers that I wanted - the district registrar's own copy of the certificate of death, and Sir Percival's dated letter to the Count, being safe in my pocket-book.

Теперь у меня были все нужные мне бумаги вместе с медицинским свидетельством о смерти и письмом сэра Персиваля.

Данный пример показывает, что факт смерти сопровождается оформлением ряда документов, таких как, например, медицинское свидетельство. Благодаря ему, смерть регистрируется официально на государственном уровне, а также ведется статистический учет.

К сектору «Consequences of a crime» дальней периферии концепта следует отнести номинацию «injury».

Your daughter's death has been made the pretext for inflicting serious injury on a person who is very dear to me. Two men have been concerned, to my certain knowledge, in doing that wrong.

Смерть вашей дочери дала возможность причинить серьезный, страшный ущерб человеку, очень мне близкому, и виновниками этого злодеяния, как мне стало известно, были двое людей.

Данный пример показывает ту степень боли, которую причинила смерть дочери. Это был страшный моральный удар.

You may wonder, I went on, event of your daughter's death can have been made the means of inflicting injury on another person.

Вам, может быть, интересно, - продолжал я, - каким образом смерть вашей дочери могла стать орудием этого злодеяния?

Данный пример показывает, что смерть дочери имела непосредственное отношение к преступлению и, более того, даже являлась его орудием.

Таким образом, в сектор «Consequences of a crime» дальней периферии лингвокультурного концепта «crime» входят такие номинации как «death» и «injury».

2.3.4. Дальняя периферия лингвокультурного концепта «crime». Сектор «Victim»

Рассмотрим последний сектор дальней периферии лингвокультурного концепта «crime», в который входит номинация «wretch» (a bad person), весьма часто встречающаяся в романе.

К сектору «Victim» дальней периферии концепта мы относим слово «wretch», поскольку жертва страдает от совершённого преступления и имеет к нему прямое отношение.

When John-Howard-Philanthropist wants to relieve misery he goes to find it in prisons, where crime is wretched-not in huts and hovels, where virtue is wretched too.

Мистер Благотворитель, желающий облегчить нищету, ищет ее по тюрьмам и помогает преступникам, он не интересуется лачугами, где ютятся честные бедняки.

Данный пример показывает, что преступники, находящиеся в тюрьмах и те, кто свой срок уже отбыл, получают гораздо больше поддержки, чем те, которые оказались в трудной жизненной ситуации, но не имели никакого отношения к преступному миру.

Who could wonder now at the brute-restlessness of the wretch's life - at his desperate alternations between abject duplicity and reckless violence - at the madness of guilty distrust which had made him imprison Anne Catherick in the Asylum, and had given him over to the vile conspiracy against his wife, on the bare suspicion that the one and the other knew his terrible secret?

Понятны были теперь неустанная, непрерывная тревога и беспокойство этого презренного негодяя, отчаянные вспышки безрассудного буйства, чередовавшегося с жалким малодушием, безумная подозрительность, из-за которой он упрятал Анну Катерик в сумасшедший дом и совершил страшное злодеяние против своей жены всего только на

основании пустого, померещившегося ему предположения, что она, как Анна Катерик, тоже знает его тайну!

Данный пример показывает, что муж Анны Катерик имел сложный характер и был вспыльчив. Описывается целый спектр его эмоций, имеющих отрицательную окраску. Кроме того, как оказалось, он, будучи «негодяем», положил свою жену в психиатрическую больницу в попытках убрать свидетеля, которым, по его мнению, она могла быть. Данное обстоятельство характеризует его как человека неуравновешенного, способного совершить злодеяния даже по отношению к близким людям.

Заключение

Лингвокультурный концепт является носителем культурной памяти народа, через который происходит манифестация наиболее важных и сложных структурных образований культуры. Концепт представляет собой семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и характеризующее носителей определенной этнокультуры. Он окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом.

Обобщенно структуру концепта можно представить в виде круга, состоящего из ядра и периферии. Ядро концепта – основное понятие, семы, зафиксированные в словарных статьях, периферия – те коннотативные и ассоциативные приращения, которые привносятся культурой и реализуются при определенном наборе слов-репрезентантов.

Анализ словарных дефиниций позволил определить содержательный минимум концепта «crime», выражающийся как «любое событие или действие, запрещенное уголовным правом». Обязательным компонентом при этом является неизбежность наказания.

К лингвокультурному концепту «crime» в английском языке на материале романа У. Коллинза «The Woman in White» мы отнесли все номинации, использованные автором для обозначения преступлений, преступников, их жертв и любых явлений, связанных с преступлениями. Все упомянутые слова были продефинированы с помощью лексикографического анализа, компонентного анализа и контекстуального анализа. Данная работа была необходима для выявления семантических компонентов значений этих номинаций и проведения компонентного анализа сем, входящих в состав полученных дефиниций.

В романе У. Коллинза «The Woman in White» нами были выявлены такие номинации, как conspiracy, swearing, treachery, deception, imposture, violence, которые находят реализацию в различных ситуациях, посвященных преступлению. Проанализированные номинации объединяет

лингвокультурный «crime». Автор романа использовал данные номинации для обозначения преступлений, преступников, их жертв и явлений, связанных с преступлениями. В рамках романа У. Коллинза «The Woman in White» лингвокультурный концепт «crime» имеет ближнюю и дальнюю периферию, которые организованы по степени убывания количества семантических компонентов, характерных для дефиниции номинации «crime».

В результате проведенного анализа было выявлено, что наиболее тяжкими являются такие преступления как «fraud» и «murder». Англия того периода второй половины и конца девятнадцатого века характеризовалась достаточно высоким уровнем преступности, причём среди самых серьёзных преступлений для англичан были мошенничество и убийство, что и отражено в романе У. Коллинза «The Woman in White».

В результате исследования на основании результатов семантического и компонентного анализа была проведена секторизация ядра и периферии концепта в исследуемом произведении, проведен их анализ. Было выявлено, что дальняя периферия насчитывает наибольшее количество номинаций, что объясняется большим количеством ассоциаций, связанных с понятием «crime», а также – разнородностью концепта «crime».

Для всей Европы в девятнадцатом веке и для Англии в частности был характерен высокий уровень преступности, что отчасти связано с недостатком средств борьбы с ней и вопрос преступления и наказания за его совершение был весьма актуален. Лишь позже были изобретены новые криминалистические методики, в результате чего уровень преступности начал снижаться.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Наивные размышления о наивной картине языка // Язык о языке. – 2010. - №4. – С. 7-23.
2. Алексеев-Аскольдов С.А. Концепт и слово. Русская речь. Новая серия. Вып. II. - Л., 1928. – 201 с.
3. Бабушкин А.П. Общеязыковые концепты и концепты языковой личности // Вестник ВГУ. - 2014. - №2. - С. 114-118.
4. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. – 103 с.
5. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. - Тамбов: Изд-во Тамб. Гос. ун-та, 2012. – 123 с.
6. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.
7. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. - М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
8. Воркачев С.Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. - 2015. - №7. - С. 5-12.
9. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт. Становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. - 2015. - №1. – С. 63-69.
10. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. - М.: Прогресс, 2014. – 256 с.
11. Жданова Л.А., Ревзина О.Г. «Культурное слово» милосердие. - М., Наука, 2013. – 641 с.
12. Зайцева Л.О. Особенности коннотативного компонента значения лексических единиц // Молодой ученый. - 2014. - №10. - С. 531-534.
13. Зусман В.Г. Концепт в культурологическом аспекте // Межкультурная коммуникация. - Н. Новгород: Деком, 2016. – 524 с.
14. Карасик В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Языковая личность: культурные концепты. – 2016. - №6. – С. 20-28.

15. Карасик В.И. Иная ментальность. – М.: Грозис, 2005. – 496 с.
16. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Грозис, 2004. – 390 с.
17. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – М.: Наука, 2000. – 352 с.
18. Колесов В.В. О логике логоса в сфере ментальности // Мир русского слова. – 2016. - №2. – С. 76-79.
19. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. - М.: Наука, 1990. – 107 с.
20. Кошарная С.А. Миф и язык. – М.: Гросс, 2002. – 287 с.
21. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. - М.: Интер, 2011. – 245 с.
22. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. – М: Наука, 1975. – 230 с.
23. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. – М.: Academia, 2013. – 671 с.
24. Маняхин А.В. Новое в когнитивной лингвистике: Материалы I Международной научной конференции «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (29–31 августа 2016 г.). Кемерово: КемГУ, 2016. Серия «Концептуальные исследования». Вып. 8. - С. 63–71.
25. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. - Минск.: ТетраСистемс, 2005. – 256 с.
26. Мигирин В.Н. Язык как система категорий отображения. – Кишинев: Штиинца, 1973. – 237 с.
27. Пименова М.В. Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК. - Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2007. 312 с.
28. Попова З.Д. Семантическое пространство языка как категория когнитивной лингвистики // Вестник Воронежского государственного университета. - 2016. - №5. – С. 55-62.

29. Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике. – М.: Ап Гранд, 2014. – 190 с.
30. Попова З.Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях М.: Ап Гранд, 2014. – 30 с.
31. Попова З.Д. Язык и национальная картина мира М.: Ап Гранд, 2015. – 59 с.
32. Приходько А.И. Фрейм как тип лексического концепта // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2014. - №16. – С. 110-113.
33. Приходько А.Н. // Новое в когнитивной лингвистике: Мат-лы I Международной научной конференции «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (29–31 августа 2006 г.). Кемерово: КемГУ, 2006. Серия «Концептуальные исследования». Вып. 8. С. 114–125.
34. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. - М.: Наука, 2007. – 1022 с.
35. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. - М.: Языки славянских культур, 2007. - 248 с.
36. Стернин И.А., Быкова Г.В. Концепты и лакуны. - М.: Гросс, 2013. - 405 с.
37. Стернин И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания. Сборник статей. - 2016. - №5. - С. 97-112.
38. Сурина В.Н. Понятие концепта и концептосферы // Молодой ученый. - 2010. - №5. - С. 43-46.
39. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины. - М.: Интер, 1988. – 203 с.
40. Токарев Г.В. Проблемы лингвокультурологического описания концепта. – М.: Юрайт, 2014. – 92 с.
41. Халяпина Л.П. Формирование системы культурных концептов универсального, национально-специфического и личностного типов как

- отражение лингвокультурологического аспекта в обучении языкам // Лингвистические и культурологические традиции образования: Тезисы III Международной научно-практической конференции. - Томск, 2013. - С. 34-35.
42. Цветкова М.В. Межкультурная коммуникация. – М.: Деком, 2001. – С. 158-184.
43. Gibbs R.W. Psycholinguistics and Mental Representations // Cognitive Linguistics. – 2014. - №3. - P. 263-270.
44. LDOCE - Longman Dictionary of Contemporary English. New Edition. - Harlow: Pearson Education Ltd, 2013. – 1112 p.
OCD Oxford Collocations Dictionary for students of English. - Oxford: Oxford University Press, 2012. - 897 p.

Список интернет-ресурсов

1. CDI Cambridge Idioms Dictionary. - 2nd Edition. URL: <http://dictionary.cambridge.org/default.asp?dict=I>
2. CLD Cambridge Learner's Dictionary. URL: <http://dictionary.cambridge.org/default.asp>
3. MacMillan English Dictionary For Advanced Learners. International Student Edition. URL: <http://www.macmillandictionary.com>
4. OED Oxford English Dictionary. - Oxford: Oxford University Press, 2008. URL: <http://www.askoxford.com/dictionaries/?view=uk>

Приложение 1.

